

Доктор дизельных наук

Кто-то из великих сказал: кто не умеет ценить прошлое, у того не будет будущего. Прошлое наших отцов, дедов и прадедов уходит корнями к началу нашего бурного века. Прошлое нам нужно не только для сравнения с сегодняшним днём, но и для того, чтобы найти и взять то сокровенное и ценное, которое нас учит, зовёт, поднимает. А каково трудовое прошлое самого простого из простых и как начиналась биография его и его семьи, как продолжалась? Это ведь, наверно, и интересно, и поучительно...

Как только Ванюшка — Иван Ксенофонтович Абрамов, сын крестьянина деревни Желнина Переславского уезда, прошёл полный «курс» начальной школы, отец сразу же определил его на работу. Родители его даже малый отдых считали блажью: нужда не давала им разогнуть спины и не оставляла времени на баловство и нежности.

Отрочество Ивана Ксенофонтовича прошло на фабрике Захряпина в Переславле, где такие же юнцы, как и он, постигали тонкую и точную работу по изготовлению церковной утвари.

Но вот пришёл 1912 год, а вместе с ним и время службы в царской армии. Судьба забросила Ивана Ксенофонтовича поначалу в Петроград, а оттуда — в машинную школу Балтфлота в Кронштадте, где он обучался паровой механике, слесарному и медницкому мастерству. Вышел он оттуда уже специалистом-машинистом первой статьи. Началась нелёгкая матросская служба.

На учебном судне «Океан» Иван Ксенофонтович побывал в портах Испании, Франции, Италии.

А потом грянула первая мировая война. Его движки и дизели несли крейсер «Рюрик» по волнам Балтийского и Северного морей к берегам Германии для постановки шаровых мин.

— Много было всяческих переходов у меня, связанных с военной службой, — вспоминает Иван Ксенофонтович. — Обслуживание маяков, промеры глубин рек для затопления судов... Попадал в неблагодёжные... Лютовали царские офицеры, но кончилось их время, грянул выстрел «Авроры»...

— Самый памятный рейс моей жизни, — продолжает Иван Ксенофонтович, — это когда сразу после Октябрьской революции я в числе 25 моряков шёл к берегам Америки на транспортном судне «Ярославль» для приёмки новых судов, которые не успело получить царское правительство, и чтобы сообщить нашим матросам о событиях, произошедших на родине.

Под впечатлением случившегося наши матросы были не прочь помитинговать в самом Нью-Йорке, но нам, как говорится, не давали развернуться.

Иван Ксенофонтович подходит к этажерке, где расположились его многочисленные сувениры, и подаёт мне чёрную статуэтку, на которой латинскими литерами выгравировано «Статуе Либерте». Оглаживая пальцем тонкую ручонку с маленьким факелом, он произносит с горечью в голосе: «Так что нам сразу дали понять, что собой представляет свобода по-американски».

Выполнив первое задание советского государства, Иван Ксенофонтович принимает активное участие в борьбе с контрреволюционными элементами в Архангельске, с антоновскими бандами на Тамбовщине. На какое-то время тиф выводит его из борьбы, затем служба в отряде ВЧК, ремонт пароходов в Архангельске и Котласе.

Только в 1922 году Иван Ксенофонтович демобилизовался и стал работать механиком на фабриках и заводах города Александрова Владимирской области, а потом перебрался в родной Переславль.

И снова — жизнь, полная надежд, тревог и огорчений: работа секретарём партийной организации на ТЭЦ, в волостном комитете в Киржаче, в фабкоме профсоюза, народным заседателем.

В годы Великой Отечественной войны Иван Ксенофонтович был уже в почтенном возрасте и работал на фабрике киноплёнки вплоть до 1956 года, когда ушёл на пенсию, имея 50 лет трудового стажа.

На химическом заводе работают люди, хорошо знающие Ивана Ксенофонтовича. Среди них слесарь аммиачно-холодильного цеха Геннадий Григорьевич Михайлов, один из лучших рационализаторов завода.

— Старый механик отлично разбирался в дизелях и паровых машинах, насосах и компрессорах, — говорит он. — Знал, как научить человека делу, и страх как не любил людей, не занятых делом, отлынивающих от дела. Наиболее точные работы выполнил всегда сам. Недаром мы его звали «доктор дизельных наук» и в шутку и всерьёз. Обладал он на редкость большим терпением: не психанёт, не заругается, а будет... до тех пор копать и ковыряться, пока не осилит задуманное.

Подтянутый, собранный, с румяным моложавым лицом, ещё более просветлённым во время нашей беседы — ему ни за что не дашь 86.

Я просматриваю семейный альбом, в котором фотографии его сыновей, многочисленной родни — внуков и правнуков. С гордостью говорит Иван Ксенофонтович о своём сыне Рудольфе Ивановиче, инженере-конструкторе химического завода, о внуке, который закончил высшее морское училище и стал инженером. Я останавливаю в последний раз свой взгляд на выдавшем виды настенном барометре, на часах с дарственной надписью, на наградах за многолетний и доблестный труд, на творениях умелых рук его — этажерке, инкрустированной затейливой резьбой, солидной шкатулке, на вазе филигранной работы и думаю о том, что где бы ни находился коммунист Иван Ксенофонтович Абрамов, член партии с 1925 года, на какую бы работу его ни ставили — он ни на минуту не забывал о том, что главным для человека остаётся честное служение делу и своему народу.